

ФОЛЬКЛОРНАЯ ТРАДИЦИЯ В ИСТОРИЧЕСКОЙ «ПОВЕСТИ О БУСЛАЕ НОВГОРОДЦЕ» Н.ПОЛЕВОГО

© 2010 М.Н.Красникова

Педагогический институт Саратовского государственного университета им. Н.Г.Чернышевского

Статья поступила в редакцию 01.06.2010

Статья посвящена исследованию фольклорной традиции в исторической прозе Н.Полевого 1830-х годов. Автор прослеживает влияние былины на образ главного героя, а также его переосмысление в идейном замысле произведения. Устанавливается соотношение трактовок образа Буслая с концепцией «Истории русского народа» Н.Полевого. Поэтика русской былины и святочного рассказа формирует не только идейный замысел произведения, но и влияет на специфику жанра исторической повести.

Ключевые слова: историзм, историческое повествование, фольклор, былины, влияние.

В развитии русской повести 1830-х годов Н.Полевой занимает свое особое место, во многом связанное не только со своеобразием его исторических взглядов, но и с той ролью, которую он уделял проблеме народности в исторических жанрах. Как известно, к 1830-м годам в русской литературе и критике сложилось два основных направления в изучении проблем национальной самобытности той или иной культуры. Одно направление, по преимуществу связанное с любомудрами и «Московским вестником», развивало традиции немецкого романтизма. И второе направление, связанное с деятельностью «Московского телеграфа» Н.Полевого, пропагандировало идеи французского романтизма и французской историографии, которые на самого Н.Полевого оказали решающее воздействие. При этом восприятие и творческое усвоение западноевропейской традиции в решении проблемы народности было, как известно, подготовлено историческими условиями общественной жизни самой России, стремительным ростом национального самосознания, вызванного событиями 1812 года, а затем – движением декабристов. Н.Полевому оказалась особенно близка мысль о тесной взаимосвязи национальной самобытности русского народа с особенностями его исторического развития. Все это не могло не сказаться и на проблематике, и на жанровых особенностях его исторической прозы. Своеобразие использования фольклора Н.Полевым в его творчестве было, несомненно, подготовлено и общим начинающимся процессом демократизации литературы, интересом к народному герою и созданием так называемых простонародных повестей. В русской прозе 1820-х годов герой из социальных низов (главным образом из крестьянства) осваивался и опробовал-

ся в самых разных жанровых традициях, в первую очередь, в бытописательной («Иван Костин» В.И.Панаева 1823 г.) и психологической (М.П.Погодин)¹. Этот тип героя, еще только появляющийся в русской прозе, будет перенесен Н.Полевым в опыт создания повести исторической.

Обращение к фольклорным элементам в исторической повести Н.Полевого будет способствовать, с нашей точки зрения, более многостороннему изучению переходных процессов в прозе 1830-х годов, в ее развитии от нравоописания к объективной манере повествования. Начав свой творческий путь с исторических повестей, Н.Полевой обратился к традиции русского фольклора именно для решения задачи создания героя из народа – деятеля исторического процесса, участника определяющих событий русской истории. Наиболее показательна с этой точки зрения ранняя историческая повесть Н.Полевого о Буслае Новгородце (1826), которая позже, в 1843 году, войдет с некоторыми изменениями в его цикл «Повести Ивана Гудошника»².

В литературной науке повесть Н.Полевого о Буслае Новгородце рассматривается как первый опыт исторического повествования, созданный в традициях романтической поэтики. Так, например, главный интерес замысла исследователи видят или в психологическом сюжете (Б.Кон-

¹ Подробнее об этом см.: Вацуро В.Э. От бытописания к «поэзии действительности» // Русская повесть XIX века. – Л.: 1973. – С. 200 – 223.

² Первоначально сюжет о Буслае Новгородце увидел свет в «Московском телеграфе» под заглавием «Святочные рассказы». (Московский телеграф. – 1826. – № 24. – Ч. XII. – С. 139 – 192. Но сам цикл «Святочных рассказов» так и не был осуществлен Н.Полевым. Б.Кондратьев в связи с этим справедливо отмечает что «Полевой-историк» «победил» Полевого-художника». (Кондратьев Б. Три «жизни» Николая Полевого // Полевой Н. Мечты и жизнь. – М.: 1988. – С. 12.)

⁰ Красникова Мария Николаевна, аспирант кафедры русской классической литературы и методики преподавания. E-mail: krasnikova-m-n@yandex.ru

дратьев), или в обращении к фольклорной традиции святочных (страшных) рассказов (Я.Л.Левкович). Соответственно, в русле жанровой традиции романтической прозы расценивается и сам образ Василия Буслаева – как «сильной, исключительной личности»: «Поэтому не вече, а сильная личность Буслай, его ум, храбрость и воля решают исход событий»³. Образ былинного героя – Василия Буслаева, несомненно, давал основания для подобных суждений. Как известно, в фольклоре этому герою посвящены два сюжета, которые относятся к новгородскому циклу: «[Про] Василия Буслаева» – о ссоре его с Новгородом, и «Василий Буслаев молиться ездил», – повествующий о смерти героя на обратном пути из Иерусалима. В истории русской фольклористики и сам образ В.Буслаева, и идейное содержание былин имеют длительную и многостороннюю историю изучения. Для выяснения новаторства Н.Полевого целесообразно обратиться к двум основным концепциям образа былинного героя, которые сложились в фольклорной науке.

Большинство исследователей, обращавшихся к этим знаменитым сюжетам, отмечали богатство социально-исторического содержания, которое они в себе заключали. Но само понятие «социальности» былин и социальной характеристики образа Василия Буслаева существенно разнятся. Так, В.Я.Пропп в своей известной монографии «Русский героический эпос» (1955; 2-е изд. – 1958 г.) видит социальность содержания былины в элементах классового расслоения Новгородской республики и рассматривает борьбу героя с Новгородом как выражение социального протеста «низов» против богатой новгородской верхушки: «конфликт данной былины есть конфликт между обездоленными людьми труда и людьми, разбогатевшими на торговле»⁴. При этом Василий Буслаев, с его точки зрения, возглавляет «черных людей», людей труда в борьбе против князей, бояр и купцов. Подобная концепция образа главного героя связана с особенностями понимания историзма былевого эпоса самим этим исследователем. В.Я.Пропп, как известно, решал проблемы исторического содержания русских былин с точки зрения народной перспективы их идейного развития, с точки зрения народного идеала⁵.

Более правомерной представляется иная точка зрения на проблему историзма былины о В.Буслаеве и на сущность этого образа, выраженная в работах Д.С.Лихачева, А.М.Астаховой, Ф.М.Селиванова и ряде других исследователей. Так, Лихачев полагает, что образ В.Буслаева отражает те эпические возможности в сфере социальной, которые были связаны со временем вечевых порядков в Новгороде: они «запечатлены идеей о возможности герою пробить себе дорогу в жизни только своими личными качествами: смелостью, силой, умением»⁶.

Широкая общественно-историческая концепция образа Василия Буслаева восходит к известной оценке Белинского (данной им в рецензии на знаменитый сборник Кирши Данилова), который видел в этом противоречивом образе, созданном народом, отражение одной из сторон национального характера: «сильная натура», он «бросается в безумное упоение удалой жизни, разрывает, подобно паутине, слабую ткань общественной морали»⁷. Н.Полевой, несомненно, воспринял эту объективную национально-историческую основу характера былинного героя и в своей повести предпринял попытку объяснить романтические черты исключительной личности конкретными обстоятельствами жизни героя как личного характера, так и событиями большой истории.

Действие повести Н.Полевого, как известно, отнесено к концу XIV века, когда обострилась борьба Московского княжества с Новгородской республикой. Основу исторического сюжета составили события, связанные с походом великого московского князя Дмитрия Донского на Новгород в 1386 году с тем, чтобы подчинить вольную новгородскую республику своему влиянию. Н.Полевой представил один из первых опытов соединения личной истории героя с развитием крупных исторических процессов, взятых в переломный момент «собираания» Государства Российского. Потеря невесты и ожидаемая утрата Новгородом своей древней свободы составляет не только завязку в развитии действия, но и становятся в повести Н.Полевого реальной мотивировкой возвращения Буслая Новгородца к прежней вольной жизни, ухода в раздолье души и ушкуйнический разбой. Повесть Н.Полевого, конечно, еще не свободна от романтической поэтики, и главным образом, в художественных приемах раскрытия внутреннего мира героя. Но

³ Историческая повесть // Русская повесть XIX в. – С.123. [Электронный ресурс] <http://www.slovo.ws/comp/ru/0004.html> (Дата обращения 24.11.2010).

⁴ Пропп В.Я. Русский героический эпос. – Изд. 2-е, испр. – М.: 1958. – С. 451.

⁵ В этой связи в фольклористике справедливо отмечалось, что Пропп в этой былине (как и в ряде других) «порой преувеличивал и в какой-то мере модернизировал характер социальной борьбы героя» (Астахова А.М. Былины: Итоги и проблемы изучения. – М.; Л.: 1966. – С.120.).

⁶ Лихачев Д.С. Былевого эпоса периода феодальной раздробленности // Русское народное поэтическое творчество. – Т.1: Очерки по истории русского народного поэтического творчества X – нач. XVIII веков. – М.;Л.: 1953. – С.231.

⁷ Белинский В.Г. Статьи о народной поэзии // Белинский В.Г. Собр.соч.: В 9 т. – Т. 4. – М.: 1979. – С. 242.

важно и другое. Сами эти неистовые душевные переживания личности незаурядной, воссозданные в романтическом стиле, у Н.Полевого начинают объективироваться в реальных обстоятельствах биографии героя, соединяющей события личной «истории» с драматической историей новгородской республики. Новаторские подходы Н.Полевого к образу демократического героя, введенного в историческое повествование, непосредственно связаны с особенностями исторических воззрений самого Н.Полевого как историка.

Г.П.Макогоненко в своей статье «Из истории формирования историзма в русской литературе» обоснованно доказывает, что уже с конца XVIII века в историко-политической мысли (например, у Радищева) и литературе проблема русского национального характера традиционно связывалась с темой республиканского Новгорода. Позже эти идеи «были восприняты декабристами, получили свою интерпретацию у Пушкина и Лермонтова»⁸. Н.Полевой, обращаясь к новгородской теме, тем самым включался в широкую историко-литературную традицию. В качестве ближайших предшественников, с которыми вступала в идейно-художественный диалог «Повесть о Буслае Новгородце», должны быть названы повесть будущего декабриста А.Бестужева «Роман и Ольга» (1823 г.), также посвященная борьбе Новгорода против Московского княжества во главе с великим князем Василием Дмитриевичем (сыном Дмитрия Донского) в конце XIV века, и, конечно, известная повесть Карамзина «Марфа-Посадница, или Покорение Новгорода» (1803 г.) из эпохи Ивана III (XV в.). При всем принципиальном различии исторических воззрений этих двух писателей для Н.Полевого, как и для Карамзина в «Марфе-Посаднице», присоединение Новгорода к великому княжеству Московскому – событие не только предопределенное ходом истории, но и имеющее прогрессивное историческое значение. С точки зрения Н.Полевого, новгородское вече, которое идеализировали декабристы, – лишь игрушка в руках знатных посадников, сохраняющих только видимость демократического правления. «Ты счастлив, Буслай, – говорит ему Владимир, – что неведение скрывает от тебя это смрадное болото, которое называют Новгородским вече. Ты слышишь звон вечевого колокола, как голос вольности Новгорода, богатого и сильного; я слышу его, как набат, возвещающий близкую кончину народа доброго, но буйного; достойного счастья и влекомого к гибели страстями низкими и недостойными ни крови, ни

бедствий, которых не жалеют за них новгородцы»⁹. Тем не менее, закономерно, что и Карамзин, и Н.Полевой принципиально по-разному решали проблему русского национального характера. Как известно, Карамзин сделал главным действующим лицом своей исторической повести Марфу Посадницу – жену новгородского посадника Исаака Борецкого, которая вошла в историю как известный республиканский деятель, оставивший заметный след в судьбах русского государства периода завершения его централизации. Г.А.Гуковский установил, что Карамзин при создании этого образа ориентировался на гражданскую традицию классицизма – художественного метода, который в качестве героев избирал значительных исторических личностей – царей, полководцев, знаменитых государственных деятелей. У Карамзина, по наблюдению Гуковского, «новгородские герои <...> это – античные герои в духе классической поэтики». «Недаром рядом с «вечем» и «посадниками» у Карамзина фигурируют «легионы»¹⁰. В этой связи исследователи отмечали отход повести Карамзина от «сентиментального жанра и приближение ее к историко-героическому»¹¹.

К концу 1820-х годов, ко времени выхода I тома «Истории русского народа» (1829 г.), Н.Полевой решительно разошелся с Карамзиным как в вопросах о национальном своеобразии русской истории, так и в методах ее изучения. Один из главных упреков, которые Н.Полевой адресовал Карамзину, состоял в том, что «Карамзин нигде не представляет вам духа народного, не изображает многочисленных переходов его»¹². Изучая круг исторических источников Н.Полевого, исследователи установили, что именно у французских буржуазных историков периода Реставрации Полевой «почерпнул идею, которая легла в основу его труда и получила выражение в самом заглавии: «История русского народа», явным образом противопоставленном карамзинскому «История государства Российского»¹³.

Наряду с именами Гизо и Минье, В.Л.Орлов особо выделяет имя Огюста Тъери, – «любимого исторического писателя Н.Полевого», который

⁹ Полевой Н. Святочные рассказы // Московский телеграф. – 1826. – № 24. – Ч. XII. – С. 148.

¹⁰ Гуковский Г.А. Карамзин // История русской литературы. – Т. V. – Ч.1. – М.;Л.: 1941. – С.69.

¹¹ Кочеткова Н.Д. Утверждение жанра в литературе сентиментализма и переход к новым поискам // Русская повесть XIX в. – Л.: 1973. – С.67.

¹² Полевой Н. История Государства Российского. Сочинение М.Н.Карамзина // Полевой Н. Полевой Кс. Литературная критика: Статьи, рецензии 1825 – 1842. – Л.: 1990. – С.44.

¹³ Орлов В.Л. Николай Полевой и его «Московский телеграф» // Орлов В.Л. Пути и судьбы: Литературные очерки. – Л.: 1971. – С. 411.

⁸ Макогоненко Г.П. Из истории формирования историзма в русской литературе // XVIII век: Сб.13: Проблемы историзма в русской литературе (конец XVIII – начало XIX в.). – Л.: 1981. – С.40 – 41.

«с большим пафосом говорил об «истории народа», «истории граждан», идущей на смену истории «сильной личности», «завоевателя», «властелина»¹⁴. «Повесть о Буслае Новгородце», таким образом, имеет все основания быть расцененной как одно из ранних проявлений демократических убеждений Н.Полевого-историка, первоначально заявивших о себе в его художественном творчестве.

Особенности исторических воззрений Н.Полевого побудили его в «Повести о Буслае Новгородце» не только обратиться к фольклорным источникам, но и кардинально переосмыслить их, сделав былинного героя-удальника активным и сознательным участником важных исторических событий. Как уже говорилось, Василию Буслаеву в фольклоре посвящены две былины, которые составляют единое идейно-композиционное целое. Вторая – о смерти Буслая – «Василий Буслаев молиться ездил» подтверждает бунтарский характер героя, который по-прежнему не верует «ни в сон, ни в чох, а и веру<ет> в свои червеной вяз». Не в силах сдерживать свое удалство даже перед угрозой смерти, герой, «войдя в задор», преступает все нравственные запреты, как христианские, так и языческие. И показательное, что «на смерть Василий Буслаев осужден тем же народом, который как отражение одной из сторон своего национального характера создал этот образ»¹⁵.

Н.Полевой в своей повести предпринял попытку дать характер данного героя в развитии. В начале Буслай предстает как бесшабашный «удалец новгородский», который, из мести московскому князю, вопреки решению вече покориться Москве, встает во главе дружины ушкуйников: «ватаги новгородцев появились на Волге, опустошают селения и города: ярославцы, костромитяне с трепетом повторяли имя Буслая»¹⁶. Но в финале повести этот же самый герой не только спасает своего крестового брата Владимира, заключенного в московской темнице, от верной смерти, но, как истинный гражданин республики новгородской, готов пожертвовать своей жизнью ради Отечества. – Именно человеку из народа Н.Полевой доверил защитить Новгород от разорения московского войска и решить его историческую судьбу. Так, узнав, что князь Дмитрий требует его «головы, всех зачинщиков бунта в свою волю», Буслай добровольно является в стан московского ополчения под Новгородом и отдает себя в руки государя: «ты видишь новгородца, которого головы ты

требовал, и я приношу тебе мою голову!»¹⁷ И сам Дмитрий Донской, изумленный этим величием души народного героя, объявляет всем жителям Новгорода «пощаду и милость»: «О! если бы вся Русь была так сильна духом, как вы, не тяготело бы иго темного царства над православными!»¹⁸. Если в поисках фольклорной традиции для решения проблемы русского национального характера Н.Полевой обратился к новгородскому циклу былин, то идейный замысел этой исторической повести в целом позволяет выявить *жанровую* былинную традицию, связанную с русским героическим эпосом. Как и богатыри киевского цикла (в первую очередь, Илья Муромец), Буслай Новгородец у Н.Полевого забывает свои личные обиды и готов покориться князю не только ради спасения родного города, своих сограждан, но и ради сохранения мира в Русской земле.

Финал повести выражает народную идею единения русских земель, но уже под покровительством Московского князя, который въезжает в город не как завоеватель, но как «званный гость». Таким образом, «Повесть о Буслае Новгородце» восприняла и идейное-жанровое влияние русского былинного эпоса. – Она выразила исконно народное мировоззрение и исторические интересы самых широких народных масс, заинтересованных в мирном объединении российского государства. Обращение к финалу повести дает возможность уточнить вопрос о ее жанровом определении, в связи с чем считаем необходимым кратко остановиться на идейной эволюции замысла Н.Полевого. Наличие определенной авторской правки текста в финале книжной редакции 1843 года дало основание А.Ю.Сорочану сделать интересный вывод об эволюции замысла в направлении его исторической конкретизации, связанной с «феноменом ушкуйничества». Уточняющие идейные посылки для подобной трактовки исследователь находит в «Истории русского народа», в которой, с его точки зрения, Н.Полевой «существенно усложнил свои суждения о походе Димитрия 1386 г.»: «Вольница <ушкуйничество – М.К.>, как явствует из исторических свидетельств, стала причиной похода великого князя и наивысшим выражением народного духа»¹⁹. Таким образом, заключает А.Ю.Сорочан, «развитая в историческом труде идея возвращается в художественный текст – и совершается доработка финала повести»²⁰. На-

¹⁷ Там же. – С.188.

¹⁸ Там же. – С.189.

¹⁹ Сорочан А.Ю. От «Святочных рассказов» к «Повести о Буслае Новгородце»: первая историческая повесть Н.А.Полевого // Историко-литературный сборник. – Тверь: – 2006. – Вып.4. – С.111.

²⁰ Там же. – С.111 – 112.

¹⁴ Орлов В.Л. Николай Полевой – С.412.

¹⁵ Селиванов Ф.М. Русский эпос. – М.: 1988. – С.73.

¹⁶ Полевой Н. Святочные рассказы // Московский телеграф. – 1826. – № 24. – Ч. XII. – С. 179.

ряду с этим справедливым наблюдением, исправление текста, как нам представляется, вызвано и принципиальной для Н.Полевого задачей усилить тему милости и великодушия, проявленных как со стороны Буслая и его дружины, так и со стороны самого московского князя. Развитие этой темы в книжной редакции возвращает внимание читателя к первоначальному заголовку повести: «Святочные рассказы». Хотя он и был снят в составе «Повестей Ивана Гудощника», но след этой фольклорной традиции явственно обнаруживается в самом сюжете, где он получает новую идейно-эстетическую интерпретацию.

Для определения жанровых особенностей исторической повести Н.Полевого принципиально важен тот факт, что не только завязка действия происходит в святочные вечера, но и весь поход князя Дмитрия на Новгород от его начала до счастливого завершения также укладывается в течение двух святых недель. Особые «святочные» обстоятельства действия обуславливают и особую «духовную» атмосферу, когда совершается «чудесное» главное событие сюжета – чудо преображения в душах людей. Так, вражда и раздор сменяются взаимным согласием и любовью, и все – новгородцы и москвичи – становятся «как братья». Характерно, что тема примирения вольного Новгорода и великокняжеской Москвы выражена у Н.Полевого через общенародные нравственные убеждения, заключенные в русских пословицах. Они говорят о милости и широте души, способности к всепрощению, свойственных каждому истинно русскому человеку: «Милуешь, так ми-

луй, не вспоминая прошедшего. Кто богу не грешен – и князю не виноват!»²¹

Современный исследователь обоснованно замечает, что «символично-содержательное начало святочного рассказа» непосредственно связано с праздником Рождества. «Эти рождественские переживания призваны смягчить каменные сердца, растопить ледяные души, воззвать к покаянию, милосердию»²². «Повесть о Буслае Новгородце» таким образом включается в широкую традицию святочных рассказов, характерной жанровой чертой которых является не только обращенность к вечным вопросам человеческого существования, но и соединение двух планов повествования: бытового, «семейного», и плана бытийного, нравственно-философского.

Так, усвоение фольклорной традиции не только помогло Н.Полевому-прозаику одному из первых исторически доказательно решить проблему русского национального характера. Обращение к мировоззренческой стороне устного народного творчества в его святочной традиции способствовало решению основной, с точки зрения Н.Полевого, задачи исторического повествования: представить картину прошедших времен, с одной стороны, во всей ее «домашней» конкретике и в то же время в свете «высших взглядов» автора, раскрывающих нравственный смысл национальной истории.

²¹ Книжный вариант «Повести о Буслае Новгородце», вошедший в цикл «Повести Ивана Гудощника», цит. по: Полевой Н. Мечты и жизнь. – М.: 1988. – С.224.

²² Новикова А.А. «Настали Святки. То-то радость!»: Русский святочный рассказ: эстетика и поэтика жанра // Литература в школе. – 2009. – № 1. – С. 13.

FOLK TRADITION IN HISTORIC «TALE OF BUSLAY NOVGORODETS» BY NICKOLAY POLEVOY

©2010 M.N.Krasnikova^o

Pedagogical Institute of Saratov State University named after N.G.Chernyshevsky

This article is a research on folklore tradition in N.Polevoy's historical prose of 1830s. The author traces the influence of bylina on the image of the main character, and also its reconsideration in an ideological concept of the narrative, thus establishing a correlation of Buslai's image with the concept of «History of Russian People» by N.Polevoy. Poetics of bylina and Christmas story not only forms the ideological concept of the narrative, but also influences the specificity of the historical story genre.

Key words: historicism, historical story, folklore, bylina, influence.

^o Maria Nikolaevna Krasnikova, post-graduate student of Department of Russian classical literature and teaching methods.
E-mail: krasnikova-m-n@yandex.ru